

МАГИЯ **ФЭНТЕЗИ**

Владимир ПРЯГИН
ВОЛНОЛОМ

Роман

Москва, 2017
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П68

Серия основана в 2004 году
Выпуск 648

Художник
М. Поповский

Прягин В.
П68 Волнолом: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 282 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-2431-3

Конец девятнадцатого столетия, альтернативный мир. Опорой прогресса здесь служит не только техника, но и полумистическое искусство, называемое светописью. Могущественный Третий департамент следит, чтобы светопись не использовалась во зло. Однако даже он не в силах предотвратить череду загадочных жестоких убийств в одной из европейских столиц. Следствие в тупике — способности, которыми обладает убийца, кажутся совершенно невероятными. Чтобы распутать дело, приглашается консультант — мастер-эксперт, бывший участник секретной правительственной программы.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Владимир Прягин, 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2431-3

Часть первая

ЧЕРНИЛЬНЫЙ СВЕТ

ГЛАВА 1

К зданию Третьего департамента Генрих подкатил на извозчике. Коляска с поднятым верхом, качнувшись на рессорах, остановилась у чугунных ворот.

Кучер обернулся, не выпуская вожжи из рук. Лицо у него было красное от мороза, пышные усы заиндевели, на форменном пальто с алым воротником блестела медная бляха, удостоверяющая, что ее обладатель управляет экипажем первого класса.

— Пожалуйте, герр профессор.

Вообще-то свой род занятий Генрих не афишировал, но догадливость кучера его нисколько не удивила. Тот был явно человек опытный, в извозе не первый год. За такой срок волей-неволей приобретешь практические познания в физиогномике и новомодной науке под названием «психология». Ну и, конечно, у любого извозчика в кармане припрятан заряженный амулет, позволяющий просвечивать пассажиров.

Впрочем, амулет — это так, подспорье. Ничего конкретного не покажет — ни возраст, ни профессию, ни тем более имя. Только общий эмоциональный настрой и уровень агрессивности. Чтобы возница понял, можно ли драть с клиента втридорога или лучше поостеречься.

— Сколько с меня?

— Две марки.

Вот, кстати. Если по совести, то запросил бы максимум полторы — от вокзала ехали минут десять. Но чувствует ведь, стервец, что этот клиент торговаться не будет.

Выбравшись из коляски, пассажир огляделся и тяжело вздохнул. Он не был здесь уже очень давно и, грешным делом, надеялся, что больше никогда не окажется по этому адресу. Да

и вообще в столицу не собирался. С каким удовольствием он остался бы сегодня дома, в предместье! Сидел бы сейчас в уютной квартире и набивал бы трубку, лениво глядя в окно и зная, что впереди простой и понятный день, наполненный шелестом старых книг и ароматом кофе...

Он так ясно представил себе эту картину, что чуть не начал забираться назад в экипаж, но быстро взял себя в руки. Нет смысла дергаться — от *этих* не убежишь, спокойной жизни теперь все равно не будет.

Да и какое уж тут спокойствие, если вчера поздно вечером ему лично позвонил генерал и попросил оказать содействие следствию — по старой памяти, так сказать. Генрих, естественно, восторга не проявил. Но генерал к такой реакции был готов — ровно и методично принялся излагать подробности дела, от которых шевелились волосы на затылке. И требовал-таки с него обещание приехать утренним поездом.

Ворота при въезде на территорию департамента были гостеприимно распахнуты, но посетителей, кроме него, отчего-то не наблюдалось. Тротуар вдоль ограды был совершенно пуст — прохожие предпочитали другую сторону улицы.

Длинное унылое здание с треугольным фронтоном стояло чуть в глубине двора, стыдливо прикрывшись шеренгой высоких лип. Летом, как вспомнил Генрих, фасад едва просматривался сквозь густую листву. Но сейчас, в декабре, все было видно как на ладони — добротная кирпичная кладка, аккуратные карнизы, окна с крестообразными рамами.

Он подумал, что в этом, пожалуй, есть некий символизм. Третий департамент желает оставаться в тени, чтобы не раздражать добропорядочных граждан ни своим видом, ни самим фактом своего существования в мире. Но они, граждане, все равно вынуждены его лицезреть — ходят мимо и недовольно кривятся.

Усмехнувшись глубине своих обобщений, Генрих двинулся от ворот к крыльцу. Звук шагов был сухим и звонким — снег до сих пор не выпал, хотя мороз держался уже неделю. И не похоже было, что погода скоро изменится. Вместо нормальных туч, способных принести снегопад, над городом висела мутная сероватая мгла, и солнечный свет растекался в ней, как масло в перловой каше.

Тяжелая дверь поддавалась без скрипа. Лампы в вестибюле горели белым казенным светом. Слева обнаружился гардероб, справа — кабинка дежурного офицера. Прямо напротив входа была еще одна дверь — непосредственно в недра здания. Ее охраняли двое в синих мундирах.

Гость неторопливо снял дубленый щегольской полушубок и отдал его гардеробщику. Потом, припомнив здешний порядок, подошел к дежурному за стеклом.

— Добрый день. Мне назначено к десяти.

— Ваше имя?

— Генрих фон Рау.

— Документы, пожалуйста.

Дежурный долго рассматривал членский билет академического сообщества и переписывал данные оттуда в журнал. Управившись с этим, снял трубку телефонного аппарата, произнес что-то быстро и неразборчиво, выслушал ответ и сказал: «Так точно». После чего протянул руку вправо, повернул не приметную рукоятку, и по стеклу между ним и посетителем прошла короткая рябь.

Фон Рау ощутил нечто похожее на слабое дуновение ветра. Откуда-то вдруг возник густой запах, будто от гниющих цветов, а во рту появился приторно-сладкий привкус. Генрих с трудом подавил желание сплюнуть, хотя знал, что все это — лишь фокусы восприятия. Мозг тщетно пытался перевести в понятные ощущения то, что происходило в эту минуту.

Дежурный разглядывал посетителя на просвет, задействовав при этом столько энергии, что хватило бы на сотню извозчичьих амулетов.

Продолжая изучать светограмму, дежурный удивленно нахмурился. Наверно, заметил затворяющее клеймо и не сразу понял, что это значит. Впрочем, ему простительно — ведь, в сущности, молодой еще парень. Служит недавно, и Генриха уже не застал. Новая поросль, крепкая смена, которая, отличаясь житейской хваткой и здравомыслием, воспринимает то, чем занимались предшественники, с брезгливым недоумением. Или в лучшем случае с сочувственной жалостью.

К счастью, гнилостный запах исчез так же быстро, как появился. Проверка закончилась. Дежурный положил перед гостем сиреневую дырчатую картонку размером с ладонь.

— Ваш пропуск. Третий этаж, кабинет тридцать восемь.

— Благодарю.

Генрих пересек вестибюль и протянул картонку одному из синемундирников. Тот сунул ее в прорезь на крышке загадочного устройства, стоящего рядом на деревянной подставке. Гость наблюдал с любопытством — в его времена таких диковин тут не водилось.

Механизм заглотил добычу жадно, с утробным звуком. Внутри что-то лязгнуло, заскрежетало. Потом на секунду машина смолкла, будто переводя дыхание, и наконец, с надрывом выкашляла пропуск обратно. Охранник вручил его посетителю:

— Прощу вас. Извольте сдать при выходе.

На картонке отпечатались угловатые цифры — дата и время прибытия с точностью до минуты. Фон Рау хмыкнул. Интересно, какой от этого прок? Как эти игрушки защитят от коварных вражеских происков? Ну разве что враг трусливо сбежит, слышав скрежет жуткого механизма. Известно ведь — клиенты Третьего департамента технику на дух не переносят.

Он поднялся по лестнице на нужный этаж. Приемная генерала располагалась в торце длинного коридора. Ковровая дорожка приглушала шаги. Было тихо, только за одной из дверей стрекотала пишущая машинка.

Секретарь в приемной — не улыбочивый тип лет тридцати пяти, одетый в штатский костюм, — поднял на посетителя взгляд:

— Герр фон Рау? Его превосходительство ждет.

Да, тот действительно ждал.

Генерал Теодор Август цу Нидерхаузен, начальник Третьего департамента, при виде гостя вышел из-за стола и протянул руку. Он мало изменился за эти годы — по-прежнему сухощав и подтянут, мундир сидит как влитой, рукопожатие крепкое. Только голова поседела, и морщины стали заметнее.

— Здравствуйте, ваше превосходительство.

— Бросьте, Генрих, — поморщился генерал. — К чему этот официоз? Здесь посторонних нет. Или это ваша маленькая месть за то, что я выдернул вас из уютного академического болотца? Неужели оно вам еще не осточертело?

— Как скажете, Теодор. И да, мое болотце совершенно меня устраивает. Оно хорошо сберегает нервы. В отличие от... — Генрих выразительно повел глазами вокруг.

Впрочем, во внешнем убранстве генеральского кабинета не было ничего угрожающего. Книги в шкафах, мягкие стулья, штучный паркет. Даже настенная карта выдержана в подчеркнито-спокойных тонах: Десятиморье в центре отсвечивает малахитовой зеленью, к западу дремлет в лиловых сумерках Лузитания, а Зимняя империя на востоке застыла в сугробах голубоватого инея. На противоположной стене — портрет канцлера с парадными эполетами, багряной муаровой лентой и Звездой Равноденствия на груди; поза исполнена достоинства, плечи расправлены, и только взгляд, как у голодного ящера, слегка портит общее впечатление.

Генерал между тем продолжал:

— Я хорошо изучил вас, Генрих, пока вы работали здесь, под моим началом. И, признаться, был несколько удивлен, узнав про затею с университетом. Ведь это совсем не ваше призвание — вдалбливать студиозусам знания в чугунные головы.

— Я отошел от преподавания. Сейчас пишу докторскую работу.

— И насколько вы, позвольте спросить, продвинулись в этом? За последние, ну скажем, полгода?

— Ладно, Теодор, — буркнул фон Рау, — будем считать, вы меня уели. Я вряд ли промчусь кометой по научному небосклону. По натуре я скорее не теоретик, а практик. Но в связи с известными обстоятельствами практическая... гм... деятельность мне теперь недоступна. Поэтому вот уже много лет я — тихий кабинетный исследователь. Книжный червь, который привык к покою. И, если честно, с трудом представляю, чем могу быть полезен в нынешней ситуации. Но раз уж вы сочли мое присутствие обязательным, то, может, перейдем сразу к делу?

Генерал кивнул ободряюще:

— Вы злитесь, Генрих, и это правильно. Таким вы мне сейчас и нужны. Апатия в нашем ремесле — недопустимая роскошь. А что касается дела...

Он взял со стола картонную папку и протянул ее гостю:

— Присядьте и посмотрите снимки. Это то, о чем я вчера рассказывал. Группа работала почти до утра.

Сверху в папке лежали обычные фотокарточки — не светопись, а технические, мертвые изображения на бумаге. Сначала общий план улицы с добротными каменными домами, потом

дверь с вывеской «Аптека Ротмайера» и, наконец, вид изнутри — прилавок, весы, разнокалиберные склянки на полках.

— Погодите, — сказал Генрих, — а где же, собственно?..

— В подсобном помещении, лежал на полу. Вот, видите?

— Силы небесные, у него же лица почти не осталось...

— Рваные раны по всему телу, причем нанесенные словно бы изнутри. Тело и пол вокруг засыпаны мертвой пылью, будто что-то истлело. Состав пытаемся выяснить. Но это вторичные проявления. Главное в другом. Взгляните на светограмму.

Фон Рау выудил из папки целлулоидный плотный прямоугольник размером с альбомный лист. Угольно-черная поверхность тускло блестела.

— Ну что скажете?

— Минуту, пожалуйста. Вы же помните, у меня теперь с этим сложно.

— Да, простите.

Достав из внутреннего кармана очки с темно-синими линзами, Генрих водрузил их на нос. Оправа была металлическая. Перемычка между стеклами, очень широкая и массивная, полностью прикрывала переносицу и имела ряд мелких вертикальных насечек. Вся эта конструкция придавала владельцу несколько фантазмагорический вид.

— Вам идет, — нейтрально произнес генерал.

— Если бы вы услышали, Теодор, сколько я за них заплатил, вы бы сразу перестали иронизировать.

Сосредоточившись, он уставился на светограмму. Для невооруженного глаза она так и осталась бы просто целлулоидной пленкой. Но, глядя сквозь фокусирующие линзы, он начал улавливать изменения.

В центре прямоугольника появилось мерцание — сначала точка, потом несколько изломанных тонких линий, которые расплзались к краям. Это напоминало треснувший лед. Под взглядом Генриха трещины множились. Он усилил нажим, и «лед» проломился разом, а из открывшейся полыньи хлынул чернильный свет.

Как всегда в такие моменты, фон Рау испытал сожаление, что человеческая речь слишком скудна, ограничена и не содержит правильных слов для описания происходившего сейчас. *Свет* не был *светлым* — и разум метался, пытаясь вырваться из этого языкового капкана. Чернильное сияние усилилось,

в глазах появилась резь. Снова, как в вестибюле, возник цветочный запах, только теперь не гнилостный, а неожиданно приятный и свежий, и Генрих понял, что сейчас узнает его, буквально через пару секунд..

Голова закружилась, и он поспешно отдернул руку со светограммой. Снял очки, вытер пот со лба.

— Итак? — Генерал смотрел выжидающе.

— Я не увидел деталей, засветка запредельная. Это брак?

— Нет. Реальный фон на месте событий.

— Впечатляет. А этот аптекарь, как его там...

— Ротмайер. Гельмут Ротмайер.

— Он владел светописью?

— Только на бытовом уровне. В лучшем случае мог продлить срок годности своих порошков. Жил тихо, ничем особо не выделялся.

— Зачем его вообще было убивать?

— Вот именно, Генрих. Зачем? И, главное, почему таким способом? Его могли бы пырнуть ножом, застрелить, задушить бельевой веревкой. Могли бы, в конце концов, разрядить в него амулет. Но вместо этого обрушили поток света, способный сровнять с землей весь квартал. Смысла не больше, чем положить комара под кузнечный молот. А что, если этот несчастный аптекарь — лишь тренировка? Пристрелка, образно говоря? А настоящая цель — совсем другого масштаба? Надеюсь, Генрих, теперь вы прониклись серьезностью ситуации?

— Более чем. Однако так и не уяснил — зачем позвали меня? Что я могу вам сказать такого, чего еще не сказали действующие эксперты? Вот я посмотрел светограмму — и никаких догадок. Но вы ведь и не ждали большего, верно? Потому что мой нынешний уровень вам известен. Так в чем же дело, Теодор?

Генерал ответил не сразу. Задумчиво прошелся из угла в угол.

— Скажите, Генрих, вы ведь, если не ошибаюсь, больше года не посещали столицу?

— Да. О чем, повторяюсь, ни капли не сожалею.

— Понимаю вас. Но, видите ли, вчера по телефону я рассказал не все. Был еще один довольно странный момент. Приехав к месту убийства, я вышел из экипажа и при входе в аптеку вдруг ощутил ваш ответ. Отпечаток вашего присутствия там.

— Это невозможно, — сказал фон Рау спокойно. — Я вчера не выходил из квартиры.

— Я знаю, — так же спокойно подтвердил генерал.

«Интересно, откуда?» — мельком подумал Генрих.

— Я был озадачен, — продолжал его превосходительство. — Остановился, постарался сосредоточиться. Но ощущение сразу исчезло. Я, конечно, мог ошибиться — засветка там действительно запредельная. И все же...

— Ну да, — Генрих хмыкнул, — это знаменитое «все же». Решили, что проверить мое клеймо на всякий случай не помешает. И вообще посмотреть на мою реакцию.

— Я обязан был это сделать, — пожал плечами генерал, — просто ради очистки совести. Впрочем, вы ведь хорошо понимаете — если бы мы вас в чем-то подозревали, то пришли бы к вам сами. И разговор бы сложился несколько по-иному.

— Ладно, теперь вы убедились, что все в порядке. Ваша совесть чиста. Я могу идти?

— Не стройте из себя обиженного ребенка, — добавил металл в голос генерал, — молчите и слушайте. Да, я знаю, что вас там не было. Но пока мы не разобрались с вашим ответом (или с тем, что я за него принял), я вынужден держать вас в уме. Значит, в ваших же интересах, чтобы мы как можно скорее докопались до истины. И лучше помочь нам, чем просто сидеть и ждать. Это первое.

— Надо полагать, будет и второе, — пробурчал Генрих.

— Да, будет. Уже понятно, что дело беспрецедентное. И чтобы его раскрыть, понадобятся беспрецедентные меры. Моя интуиция об этом просто вопит. Поэтому я хочу, чтобы рядом были не просто компетентные люди, коих в департаменте более чем достаточно. Мне нужен кто-то, способный при необходимости пожертвовать всем и принять решение, граничащее с безумием. Как сделали вы двадцать лет назад.

Несколько секунд они молча мерились взглядами. Потом на столе пронзительно зазвонил телефон — угловатый, массивный, с витым шнуром. Генерал подошел, снял трубку.

— У аппарата. Докладывайте, Кольберг. Когда? — Он долго слушал, постукивая карандашом по столу. — Хорошо, я понял. Действуйте. Скоро буду.

— Что там? — любопытствовал гость.

— Нашли еще одно тело. Обстоятельства схожие, подробности выясняем. И в данном случае вы нам, пожалуй, особенно пригодитесь.

ГЛАВА 2

— Что вы имеете в виду? — спросил Генрих.

— Убит ваш в некотором роде коллега. Рудольф Штрангль, восьмидесяти двух лет, профессор, автор дюжины трудов по истории...

— ...и биограф монаршей семьи. Ужасная новость.

— Вы были знакомы?

— Только заочно, по его книгам. Жизнеописание Старого короля ему весьма удалось. Название, правда, мне никогда не нравилось. «Предвестник Железной эры» — это он, по-моему, перегнул. Хотя материал там собран уникальный, надо признать. Да вы ведь наверняка и сами читали. По долгу службы.

— Читал, — подтвердил хозяин кабинета. — Согласен с вашей оценкой. И, боюсь, подтверждаются мои худшие подозрения. В том смысле, что аптекарь — лишь случайная жертва, а на самом деле убийцу интересуют птицы совсем другого полета.

— Ну не знаю. — Генрих с сомнением покачал головой. — Биограф — это ведь не сановник и не особа королевских кровей. Да, он, когда писал книгу, беседовал со многими из высшего круга. Но и только. Никакого влияния он на них не имел, да и не мог иметь в принципе. А в последние годы вообще, я слышал, был болен, почти ни с кем не общался. Тихо доживал в одиночестве. Нет, Теодор, я не вижу смысла.

— Вот и постараемся разобраться. Вы едете со мной, Генрих. Подробнее поговорим по дороге.

Убрав папку с документами в несгораемый шкаф, генерал вместе с гостем вышел из кабинета в приемную. Спросил у секретаря:

— Подготовили то, о чем я просил?

— Да, ваше превосходительство.

Секретарь достал из выдвижного ящика стальную пластину — прямоугольную, размером с ладонь и со скругленными уголками. Протянул ее посетителю. Тот вопросительно взглянул на генерала.

— Не считите за издевку, Генрих. Да, это ваш старый жетон — как видите, мы его сохранили. Знак того, что вы участвуете в деле совершенно официально. Я подписал соответствующий приказ. Это, по крайней мере, избавит вас от необходимости каждый раз получать внизу новый пропуск.

— Я вообще-то рассчитывал, что этот, нынешний раз, — единственный, — тоскливо заметил Генрих.

На жетоне была оттиснута крупная цифра «3», которую в нижней части пересекало несколько тонких горизонтальных бороздок. Они хранили искру чернильного света — идентификационный узор, невидимый для обычного зрения. Еще ниже имелась четкая надпись: «Генрих фон Рау. Мастер-эксперт».

Прошное, встрепенувшись, тянуло к нему жадные щупальца.

Генерал между тем облачился в шинель и кивнул на выход. Они прошли по тихому коридору, спустились по лестнице в вестибюль. Механизм снова мучительно закричал, пожирая сданный Генрихом пропуск.

Во дворе глава департамента сразу свернул налево и двинулся вдоль фасада. Гость удивился — конюшня, насколько он помнил, была в другой стороне. Но генерал повел его к приземистому строению с широкими створками деревянных ворот и закопченными окнами. Ворота как раз открылись, и наружу выкатился экипаж на паровой тяге. Шофер, устроившись впереди на открытом сиденье, ворочал рулевым колесом; пассажирская кабинка у него за спиной блестела темно-зеленым лаком. Дело вито посапывала труба.

— Двигаете прогресс? — осведомился фон Рау. — Демонстрируете верность политике Железного Дома?

— Вы отстали от жизни, мастер-эксперт. Это давно уже не политика, а бытовая необходимость. Такие штуки лет десять как выпускают серийно. В столице их, пожалуй, не меньше тысячи.

— Ладно-ладно, герр генерал. Я все-таки живу не в берлоге. В нашем городке они тоже есть, просто мне больше нравятся лошади. Ну и как они в деле, эти паровички?

— Весьма шустры. Мы постоянно держим два наготове, котлы не гасим. Прошу.

Они забрались внутрь. Генерал сказал шоферу:

— Через мост. Кленовая, сорок три.

Локомобиль вырулил со двора и покатил по улице, обгоняя коляски, запряженные лошадьми, и ревниво фыркая, когда навстречу попадались другие паровые повозки. Дома из темно-красного кирпича вставали по обеим сторонам дороги. Чернели кованые ограды, мелькали витрины со шляпами, часами и

париками. Дамы в кокетливых шубках шли под руку с господами в толстых пальто. Вороны угрюмо дремали на голых ветках, голуби возле булочной дрались на тротуаре за оброненную кем-то ватрушку. Город сыто щурился — а над ним вздымалась громада королевского замка.

Замок будто прорастал из холма — поседевший от времени, с мощными стенами и пузатыми башнями по углам. Донжон, похожий на обтесанную свечу и увенчанный острым многоугольным куполом, царапал мутное небо. Стрельчатые окна мягко светились. И реяли флаги с поджарым черным орлом, который сжимал в правой лапе скипетр, а в левой — чернильницу.

— Генрих, у вас ведь восприятие светописи, насколько я помню, связано с обонянием? Какой запах вы ощутили, глядя на снимки? Были какие-нибудь подсказки?

— Ах да, хорошо, что напомнили, Теодор. Как ни странно, запах оказался весьма приятный — медовый, я бы сказал, и очень знакомый. Я где-то с ним уже сталкивался, вот только где именно — сообразить не успел.

— Гм... — Генерал задумчиво потер подбородок.

— А непосредственно на месте убийства? Ничего похожего не было?

— Нет, обычные аптечные ароматы. Йодоформ, касторовое масло. Да еще эта пыль вокруг слегка отдавала тленом. А светограмма, значит, медовая? Забавно, весьма забавно...

— Еще бы. Служебная светопись, как правило, не слишком благоухает. Особенно в вашей конторе, — мстительно сказал мастер-эксперт. — Контроль в вестибюле, к примеру, воняет для меня гнилью.

Генерал улыбнулся едва заметно. С минуту они молчали. Потом Генрих спросил:

— А у вас ведь побочное восприятие — через звук? Что вы услышали там?

— Волны и ветер, — сказал генерал. — Как будто я на берегу моря. И шум постепенно усиливается — кажется, идет шторм.

Локомобиль между тем заезжал на мост. Открылся вид на резиденцию канцлера. Она стояла на островке посреди замерзшей Прейгары — у подножия холма, под сенью королевского замка. Трехэтажная, лишённая архитектурных красот резиденция мирно устроилась на обширной лужайке. Пожухлая трава вокруг была присыпана инеем.

На фронто́не видне́лся знак Железного Дома — стилизованный циркуль. А ведь Генрих прекрасно помнил те времена, когда вместо циркуля там было изображение фокусирующей линзы в оправе. Совсем недавно, четверть века назад...

«Боже, — подумал он, — неужели я уже такой старый?» Кажется, все было только вчера — пролетка катится по этому же мосту, и студент-третьекурсник, сидящий в ней, едва не лопаётся от гордости, потому что ему только что предложили работу. И брызжет радостью май, и трава на лужайке изумрудно сверкает, и жизнь впереди залита ослепительным солнцем...

— Теодор, — спросил он, — вы долго сомневались тогда, прежде чем выбрать меня? Ведь у многих на факультете природные способности были ярче. Хотя, конечно, я понимаю — дело не только и не столько в способностях. Вы искали идеалистов.

— Не отвлекайтесь, Генрих. Сосредоточьтесь на деле. Вы сказали, что у вас пока — никаких догадок. Пусть так. Я тоже противник поспешных выводов при недостатке фактов. Но давайте начнем хотя бы с самых общих соображений. Как бы то ни было, вы — человек науки. И, по идее, должны смотреть на проблему шире, чем я.

— Пока мне ясны две вещи. Первое — выброс в аптеке был точечным. То есть преступник, извините за каламбур, точно знал, куда бить. Второе — выброс был колоссальной мощности. Просто глупо тратить столько света для тренировки. Вывод — ваша гипотеза о «пристрелке» неубедительна. Во всяком случае, для меня. Аптекарь — не случайная жертва. И это опять приводит к вопросу, зачем его убивать.

— Спонтанный выброс? Убийство в состоянии аффекта?

— Очень сомнительно. Тогда бы жертва была одна. А у нас ведь еще историк.

— Согласен. Дальше.

— Главный вопрос — что общего у аптекаря и профессора? Где и когда они могли пересечься? Если пойдем, то станет ясен мотив. Надо копать. И я бы начал с аптекаря — у него знакомств по определению меньше, проверить легче. Вы говорите, жил неприметно. Но хоть что-то необычное есть?

— Да как сказать... Родился в деревне — миль сто отсюда. Приехал в город семь лет назад, после смерти матери. Выучился, открыл свое дело — видимо, были какие-то сбережения. Вот тут, пожалуй, любопытный момент. Он рос без отца, мать была

сельской травницей. Могла ли она оставить ему сколь-нибудь серьезную сумму? В общем, ждем подробностей о родителях. С деревней связаться напрямую нельзя, запрос послали в соседний город. Оттуда в деревню снарядили вахмистра — сегодня к вечеру должен прислать отчет. Пока что все сведения у нас — от невесты аптекаря и от его соседей.

— Сколько ему лет было, кстати?

— Недавно исполнилось двадцать пять.

Генрих невесело усмехнулся. Опять пресловутая четверть века. Для кого-то жизнь в этом промежутке изменилась неузнаваемо, а для кого-то и вовсе уместилась вся, без остатка. Будто в футляре с числовым секретным замком, где паролем служат даты рождения и смерти.

У профессорского особняка на Кленовой уже стояло несколько экипажей. Толпились зеваки — в большинстве своем, судя по виду, прислуга из соседних домов, но попадались и солидные бюргеры. Публика сдержанно гомонила, за ней приглядывал усатый вахмистр.

Генерал с Генрихом, выбравшись наружу, подошли к открытым воротам. Там их встретил плотный мужчина в штатском:

— Я увидел, как вы подъехали, герр генерал.

— Здравствуйте, Кольберг. Познакомьтесь — Генрих фон Рау. Наш приглашенный эксперт в этом деле.

Крепыш на миг зафиксировал Генриха цепким взглядом. Вежливо кивнул, принимая к сведению. Генерал спросил:

— Что успели выяснить? Картина такая же?

— Касательно выброса — да. Мощнейшая засветка, даже сильнее, чем в прошлый раз. А вот внешние проявления отличаются.

— Да? И чем же?

— По крайней мере, мы теперь знаем, каким образом были нанесены раны. Но, с вашего позволения, герр генерал, я бы советовал взглянуть лично.

— Ведите.

Они двинулись вдоль стены по чисто выметенной дорожке. Клумбу слева густо покрывали жухлые листья. Голые кусты сирени топорщились, словно метлы. Дом был большой и старый, с черепичной двускатной крышей и флигелем для прислуги.

Поднявшись на крыльцо, они миновали прихожую и вошли в просторную гостиную с погасшим камином. Широкие диваны

вдоль стены пустовали. На стуле в дальнем углу всхлипывала невзрачная женщина лет шестидесяти. Ее отпаивали водой.

— Экономка, — пояснил Кольберг вполголоса. — Утром обнаружила тело — в коридоре на втором этаже. Больше в доме никого не было. Профессор — вдовец, дети и внуки живут отдельно.

— Убийцу она не видела?

— Нет. Но говорит, что примерно на полчаса ее неожиданно сморил сон. Прикорнула в кресле, потом спохватилась, пошла наверх. И там увидела труп.

— Понятно. Преступник хладнокровен, но не маньяк.

— Да, герр генерал, похоже на то. Мог бы убить и ее как свидетеля, но предпочел только усыпить.

Генрих, продолжая прислушиваться к их разговору, подошел ближе к лестнице. Наверху раздавались приглушенные голоса. И еще ему показалось, что оттуда доносится знакомый медвяный запах.

Голоса стали громче. Он расслышал:

— Нет, просто более стабильный канал. Поэтому нет распада...

Со второго этажа на лестницу вышли двое. Тот, что постарше, продолжал говорить, стягивая на ходу резиновую перчатку. При виде Генриха он запнулся — остановился, держась за палец.

— Фон Рау? Что вы здесь забыли?

— Зашел погреться. И, кстати, здравствуйте, Либхольц.

— Я не уверен, что вам нужно здесь находиться.

— Впервые за столько лет я с вами согласен. Может, будете столь любезны и доведете вашу мысль до его превосходительства?

Генерал обернулся к ним:

— Герр Либхольц, вы знакомы с герром фон Рау. Согласно моему распоряжению, он имеет доступ к материалам следствия. Впредь извольте сотrudничать. А пока доложите первые выводы.

Он поднялся по лестнице, Генрих — следом. Сладкий запах с каждым шагом усиливался. Генрих почувствовал, как сердце забилось чаще. Приостановился, сделал глубокий вдох и заглянул в коридор.

Рудольф Штрангль, историк и королевский биограф, лежал на полу, раскинув в стороны руки. А сквозь глазницу у него прорастал колючий стебель чертополоха.

ГЛАВА 3

Фон Рау оперся рукой о стену, переживая приступ головокружения. Его подташнивало, испарина выступила на лбу. Все-таки за прошедшие годы он отвык от подобных сцен.

Наконец дурнота отступила, и мастер-эксперт снова посмотрел на убитого. Стебель в глазнице был самым пугающим, но не единственным элементом картины. Весь коридор направо от лестницы превратился в чудовищный натюрморт. Шипастые побеги пробились прямо из пола, прогрызли себе дорогу сквозь плоть лежащего человека. Взорвали изнутри кожу и, растерзав одежду в клочья, поперли дальше. Над телом распустились острые листья, а на верхушках стеблей покачивались цветы — сиреневые мягкие венчики. И от них исходил дурманящий сладкий запах.

Теперь, задним числом, Генрих удивился, что не узнал эту медвяную волну сразу, еще в кабинете у генерала. Ведь она как будто пришла из детства, с обширного пустыря на окраине провинциального городка. Чертополох разрастался там буйно, неудержимо и, зацветая, приманивал диких пчел. Те кружили над зарослями, оживленно жужжа, а мальчик каждый раз удивлялся — как мог такой сказочный аромат достаться кривобокому монстру, усеянному шипами?

Либахольц тем временем объяснял генералу:

— В аптеке побеги просуществовали недолго. Проросли и сразу распались, рассыпались в прах. Остались только нанесенные раны. Здесь же канал, как я уже говорил коллегам, стабилен. Он сохранился даже после того, как завершился выброс. Поэтому колючки тоже остались.

— Преступник хотел, чтобы жертвы умирали в мучениях?

— Не думаю. Вряд ли он выращивал шипы специально. Это, скорее, побочный эффект от переизбытка энергии. Пропускная способность канала просто невероятна.

— И поток был весь направлен на жертву?

— Да. Как и там, в аптеке.

— Так почему же убийца выбрал такой энергозатратный способ?

— Трудно судить, герр генерал...

— И все-таки. Гипотезы, версии?

Генрих подумал, что ему все-таки не помешает присесть. Обернулся, оглядел другой конец коридора. Там колючие кусты росли редко — всего штук семь или восемь. Одна из дверей была приоткрыта. Он подошел, заглянул. Это оказался рабочий кабинет хозяина дома. Внутри не было ни души — видимо, предварительный осмотр уже завершился.

Шагнув через порог, он ощутил некоторую зависть. И тут же сконфузился, вспомнив, кому завидует. Но все же следовало признать — старик Штрангль умел устраиваться с комфортом.

На полу, от одной стены до другой, раскинулся ковер оттенка топленого молока — такой ворсистый и мягкий, что казалось, будто это цельная шкура неведомого животного. Хотя пушных зверей такого размера в ойкумене вроде бы не водилось. Разве что где-нибудь в полумифических землях, на самых отдаленных задворках Зимней империи, куда нормальным людям все равно не добраться.

На стене слева — гобелен с водопадом и мшистыми зелеными скалами. Детали, вплоть до мельчайших капель, вытканы с поразительным тщанием — кажется, еще секунда, и брызги полетят в комнату. Наверняка в изображение вплетены светонесущие нити, которые сами по себе не видны, но усиливают эффект. Напротив — массивный письменный стол из темного свилевого дерева. Лампа с уютным абажуром, бронзовое пресс-папье с фигуркой морского змея; огромный раскрытый фолиант с иллюстрациями; чернильница, блокнот с золотым пером.

Книжные шкафы — монументальные, до самого потолка. Разноцветные тисненные корешки, веселые блики на дверцах. И даже зимнее небо за чистейшим стеклом окна выглядит опрятно и по-домашнему.

Генрих обошел стол и опустился в кресло. Сразу же стало легче, пульсация в висках прекратилась, и мысли больше не прыгали как безумные. Впрочем, и здесь, скорее всего, помогла бытовая светопись — например, успокаивающий узор на обивке. Незаменимая вещь для кабинетных трудяг — жаль только, цена вызывает оторопь. Чтобы позволить себе такое приобретение, надо быть бароном с родовым замком или фабрикантом с концессией от Железного Дома. Ну или написать королевскую биографию, выдержанную в верном ключе.

Над чем, кстати, работал профессор в последний день? Генрих придвинул к себе блокнот, полистал. Герр Штрангль был изрядным педантом — каждая запись аккуратно снабжена датой, а кое-где проставлено даже время. Впрочем, записи эти несли крайне мало информации для постороннего человека. Умные мысли профессор фиксировал, очевидно, где-то в другой тетради, а здесь были просто напоминалки — условные значки и бесчисленные сокращения вроде: «Чтв. герц. подтв.», «ЕКВ тез-во ст.», а то и вовсе «унтр. хр. — и?»

Самая свежая пометка была сделана вчера вечером: «Фав-ка??? Пров.!»

«Фав-ка» означала, надо полагать, фаворитку, а «пров.» — проверку. Причем последнее слово было подчеркнуто трижды. Этот фонтан эмоций в занудном блокноте выглядел как минимум неожиданно. Примерно так же прозвучал бы, наверное, боцманский загиб где-нибудь на дипломатическом рауте.

И что же так взволновало коллегу Штрангля?

Генрих попытался представить себе эту картину. Гостей у историка вчера не было — так заверила экономка. Может, кто-нибудь позвонил? Или хозяина дома просто вдруг осенила некая сногшибательная догадка? Из области науки, естественно. Все остальные темы у него, если верить сплетням, эмоций не вызывали.

И вот он хватается за блокнот, чиркает два слова и, возбужденно дыша, ковывается к книжному шкафу. Достает раритетное справочное издание, листает трясущимися руками. Находит наконец нужный отрывок, а там...

Мастер-эксперт покосился на фолиант, лежащий на расстоянии вытянутой руки от него. Это, конечно, чистый полет фантазии. С другой стороны — почему бы и нет, за неимением более рациональных идей?

Фолиант был открыт на странице, посвященной одному из королевских балов. Судя по дате, торжество состоялось все те же двадцать пять лет назад (Генрих мельком подумал, что это число его сегодня просто преследует).

И чем же данный конкретный бал знаменит? Посмотрим. Ага, он — последний с участием Старого короля. Вскоре монарх-долгожитель сляжет и перестанет появляться на людях. Прикованный к постели, протянет еще около полутора лет и отойдет в лучший мир. Стекланный век рассыплется на оскол-

ки, а линза на резиденции канцлера сменится стилизованным циркулем...

Но на фотографии король еще бодр и прям. Идет по залу в сопровождении принцессы Бригитты, и гости с почтением склоняют головы. Фотограф выбрал очень удачный ракурс. В кадре не только его величество с дочерью, но и — чуть позади — кронпринц Альбрехт с невестой. Дальше еще какие-то кавалеры и дамы: почти все смотрят в объектив, растягивают губы в улыбке, зная, что их снимают. И лишь одна — красавица с темными волосами — не отрывает глаз от кронпринца.

Хотя, пожалуй, брюнетка выделялась на общем фоне не только своим равнодушием к фотосъемке. То ли свет люстры удачно лег на нее, то ли сама иллюстрация в этом месте выцвела не так сильно, но девушка выглядела немного иначе, чем остальные. Свежее и ярче, если последнее слово вообще применимо к черно-белому снимку. Будто она, запечатленная на бумаге, все еще сохраняла искру жизни среди поблекших теней.

Он вглядывался, пытаясь понять, в чем дело. И в какой-то момент почудилось, что изображение перед ним обретает краски, ожерелье на шее у незнакомки начинает мерцать, а сама она отводит взгляд от наследника трона и сквозь объектив, сквозь бумагу, сквозь все эти четверть века смотрит прямо на Генриха...

— Герр фон Рау?

— А?.. Что?

Он вздрогнул и оторвался от фолианта. У дверей стоял Кольберг и, похоже, ждал от него ответа.

— Простите, — сказал Генрих, — я не расслышал. Что-то случилось?

— Герр генерал ждет нас внизу. Хочет провести короткое совещание.

— Да-да, идемте.

Все еще несколько ошарашенный, Генрих поднялся из-за стола и пошел за Кольбергом к лестнице. Понятно, что ожившая фотография ему просто почудилась, но все равно впечатлительное жутковатое. А эта брюнетка — кто она? Действительно фаворитка кронпринца? Точнее, тогдашнего кронпринца, а ныне — короля Альбрехта. Лицо ее Генриху незнакомо. С другой стороны, он не настолько хорошо знает всю эту придворную компанию. Надо бы проконсультироваться с кем-нибудь из

знатоков той эпохи. Проблема в том, что главный знаток лежит сейчас со стеблем в глазнице.

Стараясь не смотреть на убитого, фон Рау спустился вниз.

Экономка уже ушла из гостиной, а остальные расселись по диванам и креслам. Сцена немного отдавала абсурдом — словно завсегдатаи салонного общества перепутали время и явились в гости не вечером, а спозаранку, когда их никто не ждет. При дневном свете, без ламп и огня в камине, в комнате неприютно и холодно. И все теперь сидят молча, чувствуя себя не в своей тарелке...

— Во-первых, хочу напомнить, — прервал паузу генерал, — профессор имел отношение — хоть и косвенное — к монаршей семье. Это значит, что дело переходит в новую плоскость. К расследованию подключается Второй департамент. Позвольте представить — коллега Клемм. Он будет работать с нами.

Из кресла в углу приподнялся толстячок с округлым добродушным лицом, похожий на пекаря. Он мягко улыбнулся:

— Добрый день, коллеги. Очень приятно.

Генрих только вздохнул. Что ж, пожалуйста — весь гадюшник в комплекте. Не только Третий департамент, контролирующий светопись, но теперь еще и Второй, чья епархия — политический сыск. Впрочем, чего еще ожидать? Сразу ведь было понятно — дело с душком. И в переносном, и в прямом смысле.

— Коротко — факты, — продолжал генерал. — Двое убиты одинаковым способом, но с неясным мотивом. Преступник на несколько ходов впереди. И все же характер выброса наводит на некоторые мысли. Либхольц, прошу вас.

— Да, герр генерал. Чрезмерный объем энергии, затраченный на выброс, позволяет предположить, что убийство не было главной целью. Жертвы — лишь инструменты.

— Поясните, будьте любезны. — Коллега Клемм был отменно вежлив.

— Представьте, например, лупу. Поток света проходит через нее, фокусируется и направляется куда-то еще.

— Куда именно? — сразу же спросил Клемм.

Либхольц только развел руками. Снова заговорил генерал:

— Да, эта гипотеза, к сожалению, приводит к новым вопросам. Почему в качестве «лупы» выбраны именно эти люди? Чем они предпочтительнее других? И самое главное — где конечная цель? Пока что вне этих стен ничего экстраординарного не за-

мечено. Никаких разрушений и катаклизмов. Во дворце тоже все спокойно — я только что говорил с начальником стражи. И эта неизвестность меня беспокоит больше всего.

— Возможно, новые детали появятся через четыре-пять дней, когда ослабнет засветка, — заметил Либхольц.

— Наш профессиональный жаргон, — пояснил генерал для Клемма. — Засветка. Слишком яркий энергетический всплеск, не позволяющий увидеть подробности и взять след. Это как, знаете, у фотографов, когда портится пленка.

— Спасибо, герр генерал, мне знаком этот термин. Но, боюсь, мы не можем ждать четыре-пять дней. От нас требуют немедленных результатов.

— Сделаем все возможное. Герр Клемм, вы нас очень обяжете, если возьмете на себя работу с родственниками, соседями и друзьями убитых. Нужно понять, могли ли пути жертв где-то пересекаться. И здесь пригодятся навыки скорее ваших сыщиков, чем наших экспертов.

— Безусловно, герр генерал.

— Мы, в свою очередь, продолжим изучать места преступлений. Да, засветка все портит, и прямых следов, ведущих к убийце, мы не найдем. Но, может, хоть косвенные? Попробуем. И еще. Контакты профессора с другими учеными. Их тоже надо проверить. Но академическая среда, как вы знаете, имеет свои особенности. Люди науки нас в лучшем случае недолюбливают. А сплошь и рядом — попросту презирают. К счастью, у нас в команде есть герр фон Рау — выпускник университета и бывший преподаватель. С ним, я думаю, пойдут на контакт.

Генрих мысленно чертыхнулся. Клемм, посмотрев на него с интересом, сказал:

— Да, неплохая мысль. Что ж, на этом я, пожалуй, откланяюсь. Мне нужно дать инструкции моим людям. Герр генерал, вы знаете, как со мной связаться.

Он вышел, генерал тоже встал:

— Перерыв окончен. Вы слышали коллегу из «двойки»? Нельзя терять ни минуты. Перетряхните здесь все, хоть по кирпичику разберите, но отыщите какие-нибудь зацепки. Кольберг, на вас — координация с ищейками Клемма. О новостях докладывайте немедленно. Я буду в конторе. Фон Рау, проводите меня.

Толпа зевак на улице поредела, ажиотаж поутих. Две горничные наперебой строили глазки вахмистру, тот подкручивал ус. Над домами носилась воронья стая. Дым из труб поднимался дисциплинированно, не отклоняясь в стороны, и смешивался с полуденной мглой.

— Ну наконец-то... — Генерал вздохнул полной грудью. — Этот запах в доме действовал мне на нервы. Удушливый, приторный — даже голова разболелась.

— Да? — удивился Генрих. — Удушливый?

— Конечно. И все остальные жаловались.

— Странно. По-моему, запах-то как раз ничего. Легкий, медовый — точно как на той светограмме. Я сразу его узнал, как только вошел.

— Вот как? — Генерал посмотрел на него внимательно. — Впрочем, ладно, это все субъективно. Тонкости восприятия.

Они подошли к локомотиву.

— Сейчас мы куда? — поинтересовался Генрих.

— К университету. Садитесь.

— К университету?

— Конечно. Зачем откладывать? Я завезу вас — крюк небольшой. Побеседуйте там с людьми. Может, кто-нибудь в последние дни общался с профессором. В общем, сориентируетесь на месте. Не зря же я вас учил.

— Честно говоря, сомневаюсь, что услышу там что-то важное.

— А вы не сомневайтесь. Работайте. Вечером сообщите о результатах. И, кстати, пока не забыл. Держите.

— Что это?

— Ключ от служебной квартиры. Она крошечная, но обжитая и довольно удобная. Сейчас пустует, можете пользоваться. Вот адрес. Или вы намерены тратить два часа ежедневно на дорогу в предместье?

Генрих представил, как он приходит в эту неведомую каморку, садится в чужое кресло за чужой стол, ест из чужой тарелки, а потом укладывается в чужую постель, и ему стало не по себе.

— Спасибо, Теодор, обойдусь. И ехать мне не два часа, а меньше. Сорок три минуты в один конец.

— Как знаете. Но ключ все равно возьмите. На всякий случай.

Нахмурившись, мастер-эксперт сунул ключ во внутренний карман пиджака. Локомотив между тем петлял по незнакомым улочкам. Мелькали заборы и промерзшие палисадники.

Генрих сосредоточился и стал вспоминать увиденное в доме профессора. Прежде всего, конечно, чертополох. Да, это явно незапланированный, побочный эффект. Тут Либхольц прав — вряд ли убийца сознательно тратил время на разведение флоры. Вопрос в другом — если уж что-то выросло от переизбытка энергии, то почему именно эти колючки со сладким запахом? Не мох какой-нибудь, не плесень, не пресловутая мандрагора?

Убийца, направляя поток, думал наверняка о чем-то масштабном и крайне важном для себя лично. И это «что-то» ассоциировалось у него с шипастыми сиреневыми цветами. Отголоском и стали заросли в коридоре.

Что же это за цель такая, если ради нее убивают?

И как ее символом стал цветок, пахнувший для Генриха детством?

ГЛАВА 4

Столичный университет носил имя Готфрида Мудрого, студенты же с ласковой фамильярностью называли свою альма-матер Фридой. Четырехэтажное здание с колоннадой, окруженное сквером, тарасилось на мир огромными окнами. К входу вела дорожка, выложенная гладкими плитами.

Сквер пустовал — занятия были в самом разгаре. Генрих шагал неспешно, разглядывая фасад. Широкий карниз приютил целую скульптурную группу — аллегорические фигуры в романских туниках. Фигуры эти, олицетворяющие научные дисциплины, были исключительно женскими, хотя представительниц прекрасного пола допустили к учебе всего лет тридцать назад.

Присутствовали тут и мечтательная Астрономия с телескопом, установленным на треноге, и улыбчивая Археология с древней амфорой, и сосредоточенная Геометрия с транспортом, и еще полтора десятка фемин. Композиция служила поводом для нескончаемых шуток. Студюозусы, давясь смехом, объясняли друг другу, что на самом деле означают фигуры. Версии предлагались по большей части малоприличные. Выходило, к

примеру, что Астрономия только что заглянула через оптику в мужскую купальню. И что амфора у Археологии отнюдь не пустая. Но особенно впечатляли догадки насчет того, какой именно угол собиралась измерять Геометрия.

Кстати, для Светописи места на карнизе не отыскалось — факультет, на котором когда-то учился Генрих, располагался отдельно, за городской чертой. Вполне разумная мера предосторожности, учитывая тамошнюю программу занятий.

Налюбовавшись девами-аллегориями, он шагнул в вестибюль. Кивнул привратнику и двинулся вверх по мраморной лестнице с позолоченными перилами. Помпезность здешнего интерьера всегда его несколько раздражала. Хотя, наверное, это было неизбежное зло. Университет как-никак представлял собой одну из визитных карточек столицы Десятиморья.

— Слушаю вас. — Секретарь в приемной у ректора являл собой прямую противоположность своему коллеге из Третьего департамента — прямо-таки излучал дружелюбие и искреннюю готовность помочь.

— Я хотел бы поговорить с герром ректором. По срочному делу.

— Как о вас доложить?

Фон Рау не стал доставать служебный жетон, назвал только имя. Надеялся, что ректор его еще не забыл — им доводилось общаться лично. Расчет оправдался, в кабинет пригласили сразу.

Глава университета был из тех, про кого в Зимней империи говорят: «Маленькая собачка — всю жизнь щенок». Он выкатился навстречу гостю из-за стола и, глядя снизу вверх, зачастил укоризненно:

— Генрих, мой мальчик, как вам не совестно? Совсем забыли старика! Не заходите, не звоните, а ведь я о вас беспокоюсь! Мы все так расстроились, когда вы оставили кафедру! Это же было ваше истинное призвание...

В другой ситуации Генрих решил бы, что над ним издеваются, но ректор разговаривал так со всеми. Он, ректор, вообще любил поболтать. Книг у него в кабинете было подозрительно мало, зато стены были увешаны фотографиями с бесконечных симпозиумов, конференций и ассамблей. Злые языки говорили, что хозяин кабинета уделяет этим сборищам гораздо больше внимания, чем университету как таковому.

— Я по поводу профессора Штрангля.

— Ах, не напоминайте! Поистине шокирующее известие, я до сих пор не могу поверить...

Вообще-то о смерти историка в университет официально не сообщали — генерал поручил это Генриху, чтобы тот мог понаблюдать за реакцией ученых мужей. Но ректор всегда все узнавал первым. В этом состояло его главное (а по утверждению тех же злых языков — единственное) достоинство.

— Видите ли, — пояснил фон Рау, — я помогаю следствию в качестве консультанта...

— Похвально, весьма похвально. И что же удалось выяснить? — Ректор уставился на него жадным взглядом.

— Пока ничего, ведется работа. В связи с этим я и хотел поинтересоваться, с кем профессор контактировал в последние дни. Возможно, было что-нибудь необычное?

— Увы, мой мальчик, увы. Коллега Штрангль отличался некоторой... э-э-э... нелюдимостью. Две недели назад я звонил ему, просил написать статью по поводу юбилея. Вы же помните, Генрих, что наша колыбель знаний, славная Фрида, скоро отметит свое четырехсотлетие? Вы непременно должны присутствовать, и даже не пытайтесь отговориться. Я вас приглашаю, слышите?

— Благодарю, герр ректор. Так что же вам ответил профессор?

— Профессор? Ах да, он довольно желчно заметил, что-де о нем вспоминают только по круглым датам, а в остальное время начисто игнорируют. Совершеннейшая неправда! Мы его в высшей степени уважали, но, к сожалению, коллега сам сузил круг своего общения до минимума...

— Но хоть с кем-то здесь он поддерживал отношения?

— Разве что с Анной, с фройляйн Майреген. Милейшая барышня, наша недавняя выпускница. Ей даже прочили академическую карьеру, и я, поверьте, был бы этому рад, но есть устоявшиеся традиции. Учебное заведение с четырехсотлетней историей подразумевает определенный консерватизм, пусть даже оно служит прогрессу. И женщина-преподаватель, боюсь, излишне бы смутила умы. Вы ведь понимаете, Генрих?

— Вам виднее, герр ректор. Так где же я могу найти Анну?

— Она помогает в библиотеке. И, заметьте, великолепно справляется, студенты в ней просто души не чают. Пойдемте, я познакомлю вас...

— Ну что вы, это совершенно излишне. Я сам без труда найду дорогу. Не хочу вас отвлекать от работы.

Вырвавшись от ректора, он зашагал по гулкому коридору, вспоминая местную планировку. Да, вот большой лекционный зал с настенными фресками и звездчатым сводом, вот помещение, где заседает университетский совет, вот шеренга учебных аудиторий. А библиотека — в другом крыле: ее-то он знает лучше всего, не раз приезжал за нужной литературой. Правда, никакие барышни там прежде не обитали.

Генрих отворил дверь. Сквозняк всколыхнул сладковатый воздух между высокими стеллажами; книжная пыль приятно пощекотала ноздри. Девушка, сидевшая за стойкой в углу, оторвалась от чтения и посмотрела на визитера.

Слово «красивая» к ней, пожалуй, не подходило — скорее уж «миловидная». Курносая, с мелкими чертами лица и русыми волосами, собранными в пучок на затылке. Глаза зеленые, но не сказочно-изумрудные, а оттенка выцветшей на солнце травы. Очень худенькая, с тонкими запястьями и изящными пальцами.

— Здравствуйте, — сказал Генрих. — Фройляйн Майреген?

— Да. — Она отложила книгу.

— Простите за беспокойство. Меня к вам направил ректор. Он говорит, вы знали профессора Штрангля...

— Почему «знала»? Что-то случилось?

— Сожалею. Профессор умер сегодня утром. Точнее, его убили.

Она сдавленно охнула, прижав ладошку ко рту. Глаза испуганно распахнулись.

— Убили?.. Зачем?..

Это вышло у нее настолько по-детски, что у Генриха сжалось сердце. Он сказал как можно мягче:

— Мы пытаемся выяснить. И я надеюсь, вы сможете нам помочь. Кстати, меня зовут Генрих. Генрих фон Рау.

— Но как я вам помогу?

Теперь в ее голосе звучал не столько испуг, сколько удивление. И в обморок падать она, похоже, не собиралась. Поэтому Генрих решил продолжить.

— Я хотел бы кое-что уточнить. Вы позволите?

И, дождавшись ее неуверенного кивка, спросил:

— Вы были близки с профессором?

— Что вы! — Она даже слегка улыбнулась. — Я ему выдавала книги. И по правде сказать, немного его боялась. Он был очень строгий и ворчал каждый раз...

— То есть вы общались с ним здесь, в библиотеке?

— Конечно. Но это было давно. Потом он заболел и перестал приезжать. В этом семестре мы уже ни разу не виделись, только говорили по телефону. Он объяснял, какие книги для него подготовить. А потом их отвозили ему домой.

— Когда он звонил в последний раз?

— Вчера вечером.

Любая ищейка на месте Генриха сейчас бы сделала стойку и затавкала от азарта. Но он ощутил лишь нечто вроде досады. Если до этой минуты еще тлела слабая надежда, что, не найдя зацепок, он отвернется от участия в деле, то теперь надеяться было глупо. И еще было стыдно перед зеленоглазой барышней, которую придется втягивать в эту мерзость — пусть и всего лишь косвенно.

— О чем вы с ним говорили?

— Профессор просил отыскать одну рукопись. Сказал, это очень срочно.

— Как звучал его голос? Профессор был спокоен? Взволнован?

— Да, он волновался. Я еще удивилась — обычно он все объяснял так сухо, чуть ли не по слогам диктовал. Я даже обижалась порой — ну почему он так, будто с какой-нибудь первокурсницей? А тут он спешил, горячился даже — прямо на себя не похож.

— И что за рукопись его так заинтересовала?

— Очень редкая. То есть вообще в единственном экземпляре — в печать она не пошла. Автор — коллега профессора, тоже историк, давний и яростный оппонент. Они друг друга терпеть не могли, хоть и признавали заслуги.

— Ага. Так о чем писал этот яростный? — Спрашивая, Генрих уже догадывался, каким будет ответ.

— О последних годах правления Старого короля. Причем рукопись — не научный труд в строгом понимании, а скорее беллетризованные отрывки из биографий.

— Чьих биографий?

— Тогдашних деятелей — министров, советников короля и кронпринца. Автор, насколько я поняла, выбрал ключевые мо-

менты их жизни и пересказал в вольной форме. Профессор, кстати, очень не любил такой стиль. Всегда требовал только факты — и чтобы никакой отсебятины.

— Ясно. Значит, вы отправили рукопись герру Штранглю. Как она выглядела? — Генрих еще раз припомнил обстановку в кабинете убитого. Вроде бы там на виду лежал только фолиант да еще хозяйский блокнот. А рукопись, наверное, забрал преступник.

— Я не отправляла, — сказала зеленоглазка.

— В смысле?.. — Он не сразу переварил информацию.

— Когда позвонил профессор, я уже уходила — и так засиделась тут допоздна. Искать стала только сегодня утром. Нашла, хоть и не сразу. После занятий кто-нибудь из первокурсников должен был ее отвезти.

— Она до сих пор у вас?

— Да, конечно. — Барышня выдвинула ящик стола, чтобы извлечь оттуда прошнурованную стопку бумаги.

— Разрешите?

На титульном листе значилось имя автора — Вернер Хирт. Сама рукопись называлась «Стеклянные сумерки. Люди и судьбы». Автор явно давал понять, что без художественных изысков дело не обойдется.

— Так почему же текст не издали?

— Не знаю, — развела руками она, — я до вчерашнего дня вообще не подозревала, что такая рукопись существует.

— Вы успели ее прочесть?

— Нет, только пролистала. Мне та эпоха не столь близка.

«Ну да, ты ведь тогда, наверное, в колыбели лежала», — с грустью подумал Генрих, а вслух сказал:

— Это и к лучшему. Мой вам совет — не говорите никому, что эти бумаги были у вас в руках. Даже ректору. Если он спросит про наш разговор — а он наверняка спросит, — отвечайте, что ничего конкретного вы мне рассказать не смогли. А бумаги я забираю.

— Как это «забираете»? — возмущенно пискнула барышня и сразу очень похорошела. — Они принадлежат университету, занесены в каталог! И я за них отвечаю!

Он мог бы напомнить ей, что как минимум один человек, знавший о существовании рукописи, уже распрощался с

жизнью. Но лишний раз пугать библиотекаршу не хотелось. Поэтому Генрих со вздохом достал жетон.

— Взгляните, фройляйн Майреген. Я сотрудник Третьего департамента. Вот моя должность, видите? Можете ее записать. Или, если угодно, позвоните прямо в контору, генералу цу Нидерхаузену. Он подтвердит мои полномочия. Но я еще раз прошу — никому больше ни слова о рукописи. Поверьте, так будет лучше.

Сказал — и сразу подумал, что выбрал неверный тон. Люди из «тройки» не просят, они приказывают. А он размяк за прошедшие годы, потерял хватку. Надо исправляться, пока не поздно. Взять с девицы подписку, чтобы молчала. Припугнуть ужасными карами. Пусть лучше она его ненавидит, чем...

— Я вам верю. — Она посмотрела ему в глаза, потом покосилась на жетон — с недовольством, но все же без отвращения. — Да, верю. Но у меня есть одно условие.

«Да чтоб тебя...» — подумал Генрих.

— Какое условие?

Девушка встала, выбралась из-за стойки. Подошла почти вплотную к нему, задрала голову — маленькая и взъерошенная, как птичка.

— Я хочу и дальше вам помогать. Нет-нет, погодите. Я не требую делиться со мной секретами. Но если убийство связано с книгами — или хотя бы с рукописями — то мастеру-эксперту не помешает библиотекарь. Ну признайтесь, разве я не права?

Он улыбнулся помимо воли:

— Да, фройляйн. Пожалуй, правы.

— Вот видите! Итак, что вам подсказать?

Генрих хотел отшутиться, но тут его посетила неожиданная идея. И он спросил:

— Скажите, что у вас есть о чертополохе?

ГЛАВА 5

— О чертополохе? — «Птичка» удивленно моргнула.

— Да. Где могут упоминаться эти колючки? Ну, за исключением ботанических справочников...

— А это тоже связано с делом? — подозрительно спросила она.

— Самым непосредственным образом. Подробности я, простите, сообщить не могу. Вы же сами пообещали не выпытывать никакие секреты.

Барышня фыркнула:

— И не собиралась я ничего выпытывать! Просто уточнила на всякий случай. Что ж, если это действительно важно, давайте попробуем через световой поиск.

Она подвела посетителя к небольшой конторке. Взяла с полочки чистый лист, вставила его в рамку на наклонной доске. Обмакнула перо в закрепленную тут же чернильницу и вывела крупными округлыми буквами: «Чертополох».

Если бы Генрих надел свои очки с линзами, то увидел бы, как бумага наливается изнутри темным светом, набухает, словно под ней открылась вдруг чернильная рана. Но без очков все выглядело банальнее. На листе проступили ровные строчки — каллиграфически-безликие, с нумерацией. Столешница была предварительно обработана, чтобы прирученный свет сразу выдавал результат в читаемой форме.

— Итак, — сказала зеленоглазка. — Ну, первый — это понятно. «Растительный мир Девятиморья», академическое издание. Второй — «Медоносы. Свойства и применение», далее в том же духе...

— Девятый пункт любопытный, геральдический справочник, — мастер-эксперт скользил глазами по списку, — и вот этот еще, семнадцатый: «Жженный Лог. Протоколы и свидетельства очевидцев»... Стоп, а здесь что?

Последняя строчка никак не могла проявиться четко. Буквы то становились ярче, то выцветали и почти сходили на нет. Так продолжалось еще секунд десять, пока надпись все же не закрепилась. Фон Рау прочел: «Династические хроники. Том 26».

Наверное, что-то отразилось у него на лице, потому что зеленоглазка с жадным любопытством спросила:

— Вам ведь эта книга знакома, да?

— Да, в некотором смысле.

Именно такое издание лежало у профессора на столе — тот самый фолиант с загадочной иллюстрацией. Мысли опять запрыгали. Генрих поморщился, еще раз глянул на список:

— А почему поиск выдал ее не сразу? Из-за чего строчка так мигала?

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. ЧЕРНИЛЬНЫЙ СВЕТ	5
Часть вторая. ЗАБРАКОВАННЫЙ ВЕК	136
<i>Эпilog.</i>	280